

Р.М.Лазарчук

ПРОВИНЦИЯ И СТОЛИЦА В РОМАНЕ Н.М.КАРАМЗИНА “РЫЦАРЬ НАШЕГО ВРЕМЕНИ” (на пути к диалогу)

“Провинция и столица” - тема для русской литературы рубежа XVIII-XIX вв. новая. Выделение этих двух сфер жизни в качестве объекта исследования, осознание их специфики, уяснение их отношений происходит чрезвычайно медленно, (между тем слово “провинция” в русском языке известно с начала XVIII в.).

В “Рыцаре нашего времени” (1803) Н.М.Карамзина эти два мира показаны с точки зрения человека, знающего и любящего провинцию. Повествователя трудно упрекнуть в консерватизме (“...знаю выгоды нашего времени и радуюсь успехам просвещения в России”).¹ Однако, игнорируя нововведения Петра I, он считает столицей Москву, а не Петербург. С Москвой он связывает и свои представления о свете - и даже о “большом свете” (с. 774, 771).

Провинция и столица обрисованы Карамзиным с разной степенью подробности. Первая - показана; изображение второй логичнее назвать, пользуясь словами самого писателя, “эскизом” (с. 775). “Картина” и “набросок” построены по одному плану: история семьи на фоне нравов провинциального или столичного дворянства. Эта своеобразная симметрия определяет композицию романа. Семья для Карамзина - малый мир, воплощающий представления о больших мирах; провинциальном и столичном. И потому отношения двух семей (их встреча, сближение и отталкивание) есть одновременно отношения и двух миров, у каждого из которых свой строй жизни, свои нравственные нормы, своя культура.

Радушин и Миров “некогда вместе служили” (с. 773). Радушин ушел в отставку “после турецких и шведских кампаний” израненным, в чине капитана (IX класс). О характере службы Мирова и причинах его отставки ничего не упоминается. Радушин - коренной русский дворянин. Выйдя в отставку, он возвратился на свою родину, в места, где родились его отец, дед, где появится на свет его сын Леон. Несколько поколений Радушиных владели маленькой деревенькой. Граф Миров - “житель столицы”. По соседству с капитаном Раду-

шиным он “поселился” (с. 773), значит, его имение было не родовым, а приобретенным или пожалованным, возможно, одновременно с графским титулом. Однако о деяниях, достойных столь почетной награды, ничего не сообщается. Не потому ж, что граф Миров их не совершал? Это умолчание позволяет обнаружить еще одну скрытую антипезу: старинное русское дворянство - и новая знать, случайные люди.

Радушин и Миров - ровесники. Карамзин обратил внимание читателя на эту подробность повтором: возраст каждого из героев (см. главы I и X) определен одной стилистической формулой - “человек лет в пятьдесят” (с. 756, 773). Оба женились поздно, выбрав в спутницы жизни молоденьких красавиц. Сходство нарочитое и потому обманчивое. Этот прием, маскирующий и одновременно выявляющий различия, имеет в поэтике “Рыцаря нашего времени” универсальный характер. Семейная жизнь провинциального дворянина и столичного жителя строится на разной морали. О мотивах женитьбы Радушина и Мирова прямо не говорится, но по причинам отнюдь не совпадающим. Решение отставного капитана (несмотря на кажущуюся неожиданность его поступка - “вздумал жениться - то есть не совсем вовремя” (с. 757) - так естественно, что не нуждается в подробном объяснении. Выполнив свой долг перед Отечеством, он получил наконец моральное право устроить свою собственную жизнь. Радушин женился на дочери “самого ближайшего соседа” (с. 757) и, следовательно, не искал и не выбрал невесту, женился по симпатии (у его избранницы приветливые и милые глаза) и “любил супругу, как только мог любить” (с. 762). Миров циничен и “не стыдится говорить” о причинах своей женитьбы. Судя по тому, что Эмилия не остается повторить слова мужа даже в письме к своей верной приятельнице, они оскорбительны для чувствительной графини. Капитан Радушин живет сердцем. Миров “дает много труда уму и правилам”, оставляя “сердце без дела”. Граф “не привязывается душою ни к чему тленному”, он “убийственно равнодушен” (с. 775). И снова повтор, теперь звуковой, по принципу “эхо” (с естественным для него искажением, в результате которого и возникает новая антитеза - Радушин - равнодушен). Графине Эмилии не суждено обрести “счастья дома” (с. 775), между тем как мать Леона была счастлива в семье, пусть и недолго.

Капитан Радушин оправдывает свою фамилию, однако он не просто “самый добрый человек” (с. 756). Противопоставление характера отца Леона и “известного дяди Тристрама Шанди” отнюдь не

случайно. Радушин добр “по-своему и на русскую статью” (с. 75). Последнее особенно важно: свое представление о нашем национальном характере автор романа связывал с провинциальным дворянством. Писатель, конечно же, помнил ответ императрицы на вопрос Фонвизина: “В чем состоит наш национальный характер?” - “В остром и скором понятии всего, в образцовом послушании и в корнях всех добродетелей, от творца человеку данных”.³ В концепции национального характера, созданной Карамзиным, определяющим началом становится доброта (напомним, что “исторический прогресс для писателя есть “прогресс доброты”).⁴ С семантикой этого слова (ключевого для понимания характера отца Леона) связано несколько значений. Раскроем их в порядке, избранном самим автором. Понятие “доброта” в “Рыцаре нашего времени” ассоциируется, прежде всего, с определенным психологическим складом. У капитана Радушина мягкий, добрый, незлобивый нрав. Именно за добродушие искренне полюбила будущая супруга. Однако доброта для Карамзина не только свойство характера, но и нравственный принцип, определяющий поведение Радушина, его жизненную позицию. Герою Карамзина удается оставаться человеком в самих бесчеловечных обстоятельствах - на войне. Капитан Радушин подчиняется присяге. Не убийство “гордых неприятелей” для него только суровая обязанность, “лютый долг”. Его рука совершает то, чему противилось, “чем никогда не участвовало его сердце”. Война для Радушина - убийство, а убитый противник - “несчастливая жертва”. Отсюда сознание вины и греха: “никогда нога его, в самом пылу сражения, не ступала бесчеловечно на трупы несчастных жертв: он любил погребать их и молиться о спасении душ” (с. 763). Поведение Радушина, несомненно, обусловлено требованиями христианской этики, налагающей суровый нравственный запрет на убийство (шестая заповедь божия: “не убий”) и одновременно благословляющей поражение врагов (молитва за отечество: “победы на сопротивных дару”).

Доброта на “русскую статью” - это и радушие (вспомним нарочито вымышленный характер фамилии героя), и гостеприимство. Они сохраняются лишь в провинции, где общение людей не связано светским этикетом, где ездят в гости, а не наносят визитов, где не дают балов и “блестящих ужинов” (с. 775), а “угощают чем бог послал”, где навстречу гостям спешат с “лицом веселым”⁵ и встречают традиционным русским “Добро пожаловать!” Капитан Радушин показан в окружении “добрых приятелей” и “верных друзей” (с. 769). Мир

дан вне этих естественных человеческих связей. Свет многолюден, но холоден и равнодушен. Здесь “не привязываются к людям, а только с осторожностью за них держатся, пока связь <...> полезна” (с. 772). Таким образом, противопоставление двух характеров означает одновременно и противопоставление двух жизненных укладов и двух культур.

Провинция живет, подчиняясь обычаям, идущим от отцов и дедов. Роды здесь принимает повивальная бабка, а не привезенная из города акушерка, за ребенком смотрит няня, а не мадам, ее сменит старик дядька. Грамоте Леона обучит “сельский дьячок, славнейший грамотей в околотке” (с. 763). Буквы и слоги мальчик затвердит по часовнику, а первой самостоятельно прочитанной светской книгой станут для него “Басни” Эзопа.

В отличие от столицы провинция еще говорит только по-русски. С европейской литературой провинциальные девушки знакомятся по переводам (они появляются с огромным опозданием), а между тем в столице уже прочитали “Новую Элоизу” Руссо. В отличие от столицы провинция не знает, что “за зверь политика и литература”. Разговоры провинциалов ограничены тем, что рядом, близко - “деревенским хозяйством, охотой, известными тяжбами в губернии, анекдотами старины” (с. 769).

Мир провинции патриархален и ограничен, но вовсе не однороден. Он разделен, внутри него существуют свои антимир. “Город - деревня”⁶ - оппозиция не только пространственная, но и культурная. Город ближе к столице, он более переимчив. Но бытие провинциальных помещиков самодостаточно, в город они “заглядывали редко” (с. 769). Отец Леона раз в год, в день рождения сына, посылал туда... за свежими лимонами. Естественен вопрос, на чем основывается эта самодостаточность? Конечно же, на ощущении свободы, означающей, прежде всего, право дворянина на отказ от службы и уход в отставку; свободы, предполагающей не только независимость от власти, но и активное противодействие ей. Подобно Новикову, Карамзин “противопоставляет пафосу государственной службы идею организованных усилий “приватных” людей”.⁷ Она выражена в договоре братского общества провинциальных дворян”. Напомним основные положения этого своеобразного документа: “жить и умереть братьями”, “наблюдать общую пользу дворянства, вступаться за притесненных и помнить русскую пословицу: “Тот дворянин, кто за многих один”; не бояться ни знатных, ни сильных, а только бога и государя; смело

говорить правду губернаторам и воеводам; никогда не быть их прехлебателями” (с. 770). Таким образом, с точки зрения писателя, провинция оказывается хранительницей не только исконных русских традиций, но и высоких нравственных принципов.

Карамзин имел все основания говорить о влиянии этих “витязей С-ского уезда” (с. 769), “достойных матадоров провинции” (с. 770) на характер Леона. Подписавшие договор не изменили своей клятвы, они не создавали правил. Случай заставил их лишь зафиксировать на бумаге нравственные принципы, подчиняясь которым они всегда жили, называя это жизнью по совести. Мир столицы нравственно обделен благородная дворянская гордость (а для Карамзина она означала чувство собственного достоинства) вырождается здесь в “спесь” и “высокомерие” (с. 771). Столичному жителю неведома привязанность к отечеству. Это “сладкое чувство” (с. 767) - привилегия провинциала. Оно пробуждается в детстве. Родина начинается с картин природы, потрясших воображение ребенка и оставшихся в его памяти на всю жизнь. Не случайно пейзаж в романе⁶ связан только с провинциальными главами. В описании синего пространства Волги, белых парусов судов и лодок, летающих рыбацких много автобиографического. Достаточно прозрачны и другие детали, конкретизирующие место действия: луговая сторона Волги при впадении в нее Свияги, С-ский уезд, скорее всего, Симбирский уезд. Провинция не названа. Однако несомненно, что для Карамзина, употребившего это слово в единственном и во множественном числе, оно только обозначение отдаленных от центра территорий, всего лишь название административной единицы, введенной Петром I и просуществовавшей до реформ Екатерины II, т.е. с 1719 по 1775 гг.

Отношения провинции и столицы не сводятся к противостоянию. Далекие миры уже стремятся к сближению: “Все расстояние между двадцатипятилетней светской дамой и десятилетним деревенским мальчиком исчезло в минуту симпатии ... но эта минута обратилась в часы, дни и месяцы” (с. 773). Однако не ошибаемся ли мы, принимая за диалог столицы и провинции коллизию, обычную для сентиментальной литературы? Думается, что нет. Обратим внимание на нетрадиционность названия героев: “светская дама” и “деревенский мальчик”, а не “сродственные души”, образ, введенный Виландом и прочно утвердившийся в литературе. Мгновенное обретение симпатии героями Карамзина кажущееся. Оно обставлено рядом условий, мотивирующих случившееся. Горе ребенка, лишившегося матери,

тронуло одинокую, несчастную в браке женщину, не имевшую собственных детей, равнодушную к светским удовольствиям, в тот момент, когда графиня уже начала “томиться скукою в деревне” (с. 778). Однако диалога культур пока нет: есть лишь влияние столичной (европейской) культуры. Неизбежное следствие провинциальной замкнутости - “невежество” (с. 781). Познания Леона до встречи с графиней Мировой исчерпывались “Езоповыми “Баснями”, “Дайрой” и великими творениями Федора Эмина” (с. 778). Музыка, уроки французского языка, чтение французских книг, аристократические манеры, усвоенные героем Карамзина с помощью “второй маменьки”, должны приготовить “застенчивого, неловкого” “деревенского мальчика быть любезным человеком в свете” (с. 778). Первыми знаками этих перемен станут модный фрак, английская шляпа, “Эмилины тросточка в руке Леона, совершенно городская осанка”, “умение кланяться” (с. 778), успехи его французского языка и совершенное знание всех “тонкостей ласковых выражений” (с. 779). Отметим еще одну антитезу, раскрывающую принципиальную разность идеалов графини и капитана Радушина. “Вторая маменька” мечтает сделать из Леона светского человека, отец надеется на то, что его сын “по милости графининой” станет “человеком” (с. 779). Многочисленные детали: карета, которую графиня присылала за Леоном “сперва через день”, а потом “всякий день” (с. 778), привычка не завтракать без своего ученика - “как ни рано вставала” Эмилия (с. 779), - говорят о том, что за эти надежды капитану Радушину придется платить: он почти не видится с сыном.

Отношения Радушиных с новыми соседями (заметим, что именно граф “хотел возобновить старое знакомство” (с. 773)) не сделались и не могли сделаться отношениями двух семейств. Слишком значительны и принципиальны противоречия между теми, кто оказался исключенным из этого диалога. Радушин “возвратился на свою родину с тем, чтобы уже никогда не расставаться с ее мирными пенатами” (с. 768-769). Миров приезжает в деревню на время. Он отнюдь не похож на добровольного беглеца из мира цивилизации в мир природы, героя, традиционного для сентиментальной литературы. Мотивы его поездки нарочито прозаичны: богатый человек отправляется в деревню в “генваре месяце” из соображений экономии. Отъезд из столицы в провинцию оказался для графа Мирова перемещением чисто внешним, пространственным и не повлек за собой никаких серьезных перемен. Свою “деревенскую” жизнь Миров устроил по

подобию столичной: огромный дом⁹, богатое убранство комнат, множество лакеев. Он намеревался взять с собой в деревню итальянского певца и нескольких музыкантов.

Стремясь к объективности оценки, Карамзин, включает в повествование “взгляд” столицы на провинцию, враждебный, и высокомерный. Писатель отбрасывает его как ложный: “Пусть другие называют вас дикарями: Леон в детстве слушал с удовольствием вашу беседу <...> от вас набрался духу русского и благородной дворянской гордости... Мир вашему праху!” (с. 771). Однако и влияние столицы еще не несет разрушающего начала. Прожив в “большом свете” “несколько времени” (с. 771), Леон Радушин возвращается на родину, сохранив “нравственное чувство” (с. 765).

Провинция и столица (последняя в меньшей мере) отнюдь не неподвижны. Ощущение изменений, совершающихся в этих сферах жизни, возникает благодаря большой дистанции между временем события (“тогда”, “в те времена”) и рассказа о событии (“теперь”, “ныне”). Изменения не показаны. Но направление перемен определено точно: “... в них (дворянах - Р.Л.) было много характерного, особенного - чего теперь уже не найдем в провинциях...” Названы и причины изменений: “Просвещение сближает свойства народов и людей, равняя их, как деревья в саду регулярном” (с. 769).

Публикуя последний фрагмент “Рыцаря нашего времени”, Карамзин напечатал перед девятой главой следующее примечание: “Сей роман вообще основан на *воспоминаниях* молодости, которыми автор¹⁰ занимался во время душевной, и телесной болезни”.¹¹ Быть может, именно эти ностальгические ноты определили нескрываемую симпатию, с которой создавался портрет провинции. Но время шло. Жизнь обнаруживала новые оппозиции и потому неизбежно корректировала написанное. В споре двух столиц Карамзин демонстративно стал на сторону Москвы. Оппозиция “Москва - Петербург” была для него оппозицией свободы и неволи, естественного и искусственного, человеческого и казенного, официального. “Со времен Екатерины Великая Москва прослыла *Республикою*. Там, без сомнения, более свободы, но не в мыслях, а в жизни; более разговоров, толков о делах общественных, нежели здесь в Петербурге, где умы развлекаются Двором, обязанностями службы, исканием, личностями”,¹² читаем в “Записке о московских достопамятностях” (1817). Новый фон не только отчетливо выявил историческую роль Москвы (она “будет всегда истинною столицею России. Там средоточие царства,

всех движений торговли, промышленности, ума гражданского <...> Петербург действует на государство, в смысле Просвещения, слабее Москвы¹³), но и неожиданно открыл в старой столице черты явного сходства с милой сердцу Карамзина провинцией. Именно “добрая”¹⁴ Москва представлялась теперь писателю хранительницей традиционного и патриархального. Наконец, самый образ Москвы обрел в публицистическом очерке ту реальную сложность и противоречивость, отсутствие которых, несомненно, ощущалось в “Рыцаре нашего времени”: “Ее полуазиатская физиогномия, смесь пышности с неприятностью, огромного с мелким, древнего с новым, образования с грубостью, представляет глазам наблюдателя нечто любопытное, особенное, характерное. Кто был в Москве, знает Россию”¹⁵

¹ Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 768. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.

² Карамзин убежден в том, что “Москва будет всегда истинною столицею России”. Объяснение и обоснование этой точки зрения дается в “Записке о московских достопамятностях” (1817). - Карамзин Н.М. Соч. СПб., 1848. Т.1. С.446.

³ Несколько вопросов, могущих возбудить в умных и честных людях особое внимание // Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. М.; Л., 1959. Т.2. С. 275.

⁴ Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., 1987. С. 220.

⁵ Отметим еще одну контрастирующую деталь: “суровый вид графа”, “умноживший робость” (с. 773) Леона при первой и, по-видимому, единственной встрече с Мировым.

⁶ Эта оппозиция определяет концепцию “Письма сельского жителя” Карамзина (Вестник Европы. 1803. Ч. XI, № 17. С. 42-59).

⁷ Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л., 1980. С. 51.

⁸ О своеобразии волжского пейзажа см.: Сапченко Л.А. Пейзаж в повести Н.М. Карамзина “Рыцарь нашего времени” (стилевой аспект проблемы) // Стилевое выражение авторской позиции в произведениях русской литературы XIX века. Мсжвузовский сб. науч. трудов. Ульяновск, 1988. С. 10-15.

⁹ Ср. в прозаическом этюде Карамзина “Деревня”: “Не хочу я иметь в деревне большого, высокого дому; всякая огромность противна сельской простоте” (Московский журнал. 1792. Ч.7, кн. 1. С. 60).

¹⁰ О своеобразии авторской позиции в романе см.: Кочеткова Н.Д. Утверждение жанра в литературе сентиментализма и переход к новым поискам // Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра / Под ред. Б.С.Мейлаха. Л., 1973. С. 74.

¹¹ Вестник Европы. 1803. Ч. X, № 14. С. 131.

¹² Карамзин Н.М. Соч. Т. 1. С. 446.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 447.

¹⁵ Там же. С. 446.